

Все больше не задерживались, достали короткие вуали-моули, чтобы набросить их на марионетку. Когда Вань Фэнсяо отдала ей приказ, все вместе направились в сторону деревенских ворот.

Иначе, выйди они так просто...

Либо те деревенские жители сошли бы с ума от страха, либо их начали бы почитать как божеств и Будду, либо объявили бы нечистью и демонами и устроили облаву.

Рисковать не стоило, по-настоящему не стоило. Люди в мире знали, что существует такое оружие, как марионетки, но простые смертные о них почти никогда даже не слыхали.

Не говоря уже о том, что это равносильно воскрешению из мертвых в их понимании.

Вся компания поспешно вернулась в карету. Экипаж медленно тронулся в путь, но атмосфера внутри была поистине нерадостной: все это время они обсуждали, как облегчить страдания простого народа, и все в таком духе.

Фэн Цзюэсянь же терзался еще большим чувством вины: это их императорский род проявил бессилие и вдобавок повлек за собой страдания всего народа страны.

Даже притом, что они сами изнывали в крайне развратной и злобной обстановке.

Этого было недостаточно, далеко недостаточно для искупления грехов. Ведь его собственная жизнь была обагрена бесчисленными потоками крови.

Это его матушка из последних сил держалась посреди уничтожающих ее истязаний. Она неустанно учила его разбираться в сути вещей, отличать добро от зла, постигать правила приличия, постоянно напоминала ему о его собственном долге и ненависти...

Никто не знал, как сильно страдала она сама.

Уж если ее ребенок мог выжить в подобных условиях — и то было бы за счастье, ей вовсе не следовало возлагать на него груз проблем старшего поколения.

Но ей некому было излить душу, кроме собственного ребенка...

Будучи матерью, она в то же время оставалась принцессой императорского рода — как могла она не чувствовать унижения, как могла не любить свой дом, свою страну и простой народ?

И тем более — как могла не испытывать ненависти?

Именно ее всесокрушающая ненависть крепко держала ее на плаву, оберегая единственную надежду в крови ее рода.

В конце концов она впала в безумие, думая лишь о том, что однажды эта ее единственная надежда сокрушит знатных вельмож, узурпавших власть, и собственной рукой покарает заклятых врагов, определивших их пожизненное одиночество и горемычность.

Ради восстановления их императорского рода! Ради доброго имени ни в чем не повинных служанок и наложниц!

Столь ожесточенной была эта навязчивая идея, она слепо заставляла ее изливать горькие обиды и жалобы единственному родному человеку, не оставляя времени на раздумья о том,

насколько это жестоко по отношению к ребенку.

Она могла лишь в полубезумном состоянии год за годом вновь и вновь вдавливать маленькому, только начавшему всё понимать мальчику свои собственные убеждения.

Вдобавок к тому, что он бежал из подобных обстоятельств, а теперь еще столкнулся с таким народным горем, всё это лишь сильнее подталкивало Фэн Цзюэсяня к мысли о мести.

Любой ценой.

На самом деле, очень-очень часто он едва не делал шаг назад, но стоило ему закрыть глаза, как он снова вспоминал свою нынешнюю семью, вспоминал тех братьев, сестер и мать.

Это было и пониманием, и предостережением.

У него больше не было пути назад, он должен был отчаянно двигаться вперед, он ни в коем случае не смел проиграть.

—

Сяо Юньцзянь и Фэн Маньлуо наперебой быстро обдумывали складывающуюся ситуацию.

Эти двое супругов вовсе не были любителями совать нос в чужие дела, они просто... защищали своих.

Больше всего на свете они желали всеобщего единения Поднебесной под началом клана Юй, пусть даже их не волновал сам путь достижения цели, лишь бы был результат. Но, стоило им вспомнить про Юй Шэншэна и Фэн Цзюэсяня, как их сердца теплели.

Ломать голову и прикладывать все силы ради собственных домочадцев — в общем-то, ничего особенного. Они точно так же могли это сделать, и пусть хлопот было немало, они...

Были к этому готовы.

Они не то чтобы не думали о том, чтобы использовать методы подкупа и привлечения на свою сторону для свержения этой страны, но в их руках попросту не было достаточно сильной и надежной высшей власти, так что этот план не годился.

Даже если потратить деньги на набор войск и назначение чиновников, преданность не купишь, а вдобавок это могло спровоцировать новую смуту.

Если бы они воспользовались военной силой другого государства для совершения государственного переворота, то с условиями после победы было бы крайне сложно справиться — в основном из-за непомерных аппетитов той стороны, что задирала бы цены.

К тому же они не были уверены, сможет ли в спешке посаженный на престол марионеточный правитель должным образом управлять страной и навести в ней порядок.

Даже будучи первыми торговцами всех государств, они не могли дать ни малейшей гарантии: при малейшей потере контроля волчьей амбиции союзников и удар в спину — рисковать этим они по-прежнему не могли.

В случае малейшей оплошности полная гибель покажется пустяком, а вот полное истребление под корень — вот конечная точка этой борьбы за власть.

Более того, в случае успеха в будущем принять бразды правления Фэн Цзюэсяню будет куда сложнее.

Вместо того чтобы действовать сейчас и снова погружаться в пучину бесконечных смут...

Гораздо лучше сначала понемногу помогать простому народу, переждать какое-то время, понаблюдать за обстановкой. Чего-чего, а серебра и денег у них было в избытке, и на данный момент это являлось самым надежным решением.

А несколько лет вполне хватит, чтобы вырастить выдающегося молодого правителя.

Тот, кто несет на плечах ответственность, способен лишь отчаянно раскрывать свой скрытый потенциал.

Никто из них ни капли не сомневался, что Фэн Цзюэсянь — заурядный человек, а эти старики — давным-давно повидавшие виды старые демоны, они никогда не ошибались в людях.

Конечно, существовал и другой вариант.

Судя по нынешней политике, спустя столько лет в сердцах людей неизбежно накапливалась обида. Когда придет время взрыва, массы непременно поддержат и выдвинут того, кто окажется способен очистить окружение императора от скверны.

Они могли помочь Фэн Цзюэсяню взять этого человека под контроль раньше остальных и поддержать его в наведении порядка в этой провонявшей донельзя политической кутерьме.

После этого, захочет ли Фэн Цзюэсянь после очищения от навета, реабилитации невинных и отмщения за старые обиды продолжить идти за ними или пожелает остаться и стать хорошим правителем — решать только ему.

Они поддержат его безоговорочно.

В конце концов, судя по тому, как они постепенно внедряли выходцев из бедных семей из разных стран в ряды чиновников при дворе...

Всё, что им требовалось — это время и силы.

Каким бы ни был путь здесь, конечный результат в любом случае должен оказаться в руках клана Юй.

А эти дети уже признали друг друга семьей, они никогда не станут врагами.

Если следовать этому плану, на первый взгляд ситуация уже казалась совершенно ясной...

Ой-ля-ля, а быть военным стратегом так здорово! Как же весело!

Кхе-кхе...

Если народ не станет сопротивляться, тогда они пойдут по первоначальному плану: потратят время на то, чтобы постепенно внедрить выращенные ими новые силы в государственные структуры.

А когда Фэн Цзюэсянь обретет определенные возможности и влияние, он сам поведет за собой людей и сокрушит эту прогнившую страну.

Сяо Юньцзянь и Фэн Маньлуо хмурились, неторопливо анализируя происходящее, и временами с болью в сердце поглядывали на сидевших неподалеку послушных детей.

Оба знали: принять счастье куда труднее, чем пережить страдания.

На долю каждого из этих детей выпали тяжелые испытания, и порой даже они сами украдкой смахивали слезы.

Сянь Чаюй также указал на то, что судьба Государства Налань давно пришла в расстройство и никто не может предсказать окончательный исход — остается лишь делать шаг за шагом.

Фэн Цзюэсянь и Юй Шэншэн в какой-то мере были похожи: оба были способны прочитать в глазах друг друга непоколебимую решимость.

Вань Фэнсяо лишь сохраняла оцепенелое выражение лица, не позволяя себе расплакаться; она подхватила сидевшего рядом Юй Шэншэна, тихо уселась в сторонке и погрузилась в молчание.

И вдруг... марионетка, сидевшая рядом с Вань Фэнсяо, обошла их с противоположной стороны и не просто повторила движение, обняв Фэн Цзюэсяня, но даже неуклюже, точь-в-точь как Вань Фэнсяо, принялась хлопать его по спине?

Фэн Цзюэсянь испуванно ахнул, всем телом оцепенел, в голове у него сделалось совершенно пусто, и, подняв глаза на обнимающую и утешающую его марионетку, он уставился на нее полным недоумения взглядом.

Вань Фэнсяо и остальные тоже замерли: что это еще значит? Они ведь даже не видели, чтобы Вань Фэнсяо отдавала приказ.

Сянь Чаюй же прямо-таки рассмеялся в голос и поспешил пояснить:

— Забыл сказать: марионетки подсознательно копируют действия хозяина, основываясь на его эмоциях. Правда, у обычных марионеток нет эмоциональной связи с хозяином — напрямую связаны только жизнь и приказы. Ох, сколько лет живу на свете, а еще не встречал столь пронизательной куклы. Похоже, я все-таки недооценил ту самую врожденную духовную связь между кукольником и марионеткой. Ха-ха-ха, до чего же забавно!

А кукла тем временем продолжала склонять голову набок и, изменив позу под стать Вань Фэнсяо, принялась дальше похлопывать Фэн Цзюэсяня по спине.

Фэн Цзюэсяню оставалось лишь горько улыбаться, полностью подчиняясь ее воле.

Юй Шэншэн с бесстрастным лицом забился в чужие объятия, позволяя гладить себя по шерстке.

Сяо Юньцзянь и Фэн Маньлуо со смешинками в уголках глаз наблюдали за этой сценой.

Вань Фэнсяо вдруг озадаченно выпалила:

— Большой папочка, малый папочка, мы никак не можем придумать имена. У маленькой куклы и маленького кота до сих пор нет имен. Мелкий снова начинает лениться и ничего не хочет решать, а мы со вторым братом понятия не имеем, как их назвать.

Стоило услышать это, как Сяо Юньцзянь мгновенно вздрогнул и тут же плотно зажмурился. Фэн Маньлуо последовал его примеру. Вань Фэнсяо подняла голову и увидела, что оба они уже

спят. Она про себя прошептала: «Папочки так устали, нужно будет по возвращении домой сварить им целебный суп».

Двое мужчин в этот момент даже не подозревали, что их попытка по-быстрому отгородиться от реальности обернется для них в будущем крайне горькими последствиями.

Сянь Чаюй даже не поднял век. Он уже был до смерти измучен выходками этих двоих, поэтому мог лишь молча закатить глаза, прикрывая их, и спросить:

— Сяосяо, раз ваши папочки уснули, я возьму дело на себя. Вы, дети, не носите фамилии своих родителей, так пусть хотя бы эти малыши их носят. Я подсчитал: у ваших отцов больше не будет детей, кроме вас. Эх, сколько же хлопот. Сяо Сяо я видел, это чрезвычайно разумный зверек, такой же своенравный, как твой старший папа. Пусть будет Сяо Сяо. Его характер не позволит ему подчиняться никому, кроме того, кого он признал хозяином, так что имя подходит. А что касается этого Сяо Куя — судя по вашему отношению, вы явно растите его как члена семьи. В таком случае не стоит бояться, что он не обретет разум; воспитывать его как ребенка — прекрасная идея, он будет достаточно предан. А вот Фэн Синлю пусть будет Фэн Синлю — это имя соответствует его облику. Малыши, любовь — словно уход за цветами, нужно бережно относиться друг к другу. Вы все — семья, собранная по кусочкам, прошедшая через тернии, и видно, как сильно вы дорожите друг другом. Смотрите, как ваши папочки относятся к вам, и сами старайтесь не отставать.

Закончив, он получил дружное одобрение от детишек: они послушно закивали, и марионетка Фэн Синлю последовал их примеру.

Сянь Чаюй с любовью улыбнулся, а затем скользнул взглядом по притворяющимся спящими мужчинам. Вспомнив, что оба этих оболтуса впервые растят детей, он безмолвно вздохнул. И так было ясно, что они ничего детям не объяснили, поэтому пришлось старику самому прибирать хвосты:

— Кстати, полагаю, ваши папочки не рассказывали вам о своих чувствах. Я сам вам поведаю, чтобы вы по неосторожности не натворили бед перед чужими людьми. Ваши папочки любят друг друга. Их связь отличается от обычной супружеской, но в то же время ничем от нее не разнится — это вполне разумно и естественно. Вам нужно лишь запомнить: споры чужаков — это лишь мнение посторонних, не более того. Это не касается ни вас, ни их самих. Самое важное — поддерживать их, беречь их так же, как они берегут вас. На людях не раскрывайте их отношения. У вашего старшего папы не самое простое прошлое, вы должны хорошо его защищать, понимаете? Верю, что вы хорошие дети. Если меня когда-нибудь не станет, прошу, вместо меня тоже приглядывайте за нашей общей семьей.

Сяо Юньцзянь не выдержал и прервал его, сердито воскликнув:

— Старик, закрой рот! Не хочу слушать, мы уже одна семья. Не пугай их, малыши боятся разлуки.

И я тоже боюсь.

Этого он сказать не посмел, ведь даже гордый маленький тиран-дракон дорожил своим лицом.

Сянь Чаюй лишь ласково улыбнулся. Они прожили бок о бок десяток лет, как же ему было не понять? Он медленно достал доску для игры в го и позвал Юй Шэншэна составить ему компанию, больше не заводя тяжелых разговоров.

Трое детей не стали отвечать впопыхах — они ясно осознавали свое положение и были полны решимости. Они твердо намеревались защищать свою семью, но не собирались давать обещаний, которые могли не выполнить. Оставалось лишь крепко запечатлеть эти слова в своих сердцах.

Спустя месяц в поместье Фэн раздался оглушительный плач.

В главном зале супруги Фэн, заливаясь слезами, с бесконечной болью в сердце смотрели на детей. По пути домой они постоянно получали от Цин Вэй толстые пачки писем. В них было детально, вплоть до мелочей, описано всё: характер, возраст, предпочтения, пережитое и происхождение каждого ребенка, местами даже с приукрашиваниями.

Эти письма в спешке писали Сяо Юньцзянь и Фэн Маньлуо. Как они сами выражались, это была защита потомства: лучше, если кто-то еще будет жалеть и оберегать малышей. Не заботясь о хрупкой психике стариков, они выбирали самые душераздирающие факты, так что те, получая каждое новое послание, прибегали к Юй Шэнъе, обнимали его и рыдали, словно навсегда прощаясь. Юй Шэнъе лишь оставалось вздохнуть: что поделать, приходится баловать.

За эти месяцы он успел успокоиться и теперь целиком сосредоточился на сопровождении родителей. Не успел он перекинуться и парой слов с Юй Шэншэном, как его оттеснили, и он мог лишь с бессильной нежностью наблюдать за своим младшим братом, а заодно ласково утешать остальных.

Вань Фэнсяо и Фэн Цзюэсянь были одного возраста, но их тела были крайне слабы. С самого детства они не развивались должным образом и были намного ниже сверстников, что причиняло окружающим еще большую боль.

Фэн Ции и Фан Жунмо, утирая слезы, без остановки совали Юй Шэншэну и остальным подарки, а когда места не осталось, просто перестали их дарить и начали сбивчиво представляться. Услышав обращение дедушка и бабушка, они окончательно потеряли самообладание, притянули детей к себе и заключили в крепкие объятия, заливая слезами. Не обделили вниманием даже Сяо Сяо, Сяо Куя и Сяо Юньцзяня — забыли только о своем родном сыне, Фэн Маньлуо.

Да, в письмах они упомянули даже Сяо Сяо и Сяо Куя. А Фэн Маньлуо просто не смог пробиться сквозь толпу.

Фэн Ции обнимал левой рукой Фэн Цзюэсяня, правой — Юй Шэнъе, а между ними примостился Фэн Синлю, и все они рыдали. Время от времени он прерывал всхлипы, хриплым голосом утешая их, мол, не бойтесь, бабушка и дедушка вернулись. Фан Жунмо же прижимала к себе Юй Шэншэна и Вань Фэнсяо, а между ними пристроился ее сын Сяо Юньцзянь с Сяо Сяо на руках — слезы лились непрекращающимся потоком.

Юй Шэншэн и Вань Фэнсяо суетливо ловили слезы бабушки, но те текли бесконечно... Сяо Юньцзянь, не зная, смеяться или плакать, мягко положил подбородок на ее левое плечо, слегка обняв в знак утешения.

Дети были глубоко тронуты — это была самая настоящая, искренняя любовь. Любовь, которая окутала их плотным коконом, не спрашивая разрешения. Какое же это сокровище.

Фэн Синлю, разделяя чувства хозяина, не умел говорить, поэтому просто пустил пару капель слез, мастерски вливаясь в общую атмосферу. Сяо Сяо был другим: плакать он не умел, зато начал выть, с каждым разом все громче, вторя рыданиям.

Сяо Юньцзянь и Юй Шэнъе давно привыкли к подобному, но их сердца смягчились — они очень ценили своих добросердечных старших. А вот Фэн Маньлуо был недоволен: его лицо перекосилось от негодования. Он попытался пробиться к Сяо Юньцзяню, но Фан Жунмо просто выпихнула его прочь. Он громко обвинил их в предвзятости!

Фэн Ции усмехнулся:

— Какая еще предвзятость? У тебя было всё, что ты хотел, ты рос в достатке, а еще ревнуешь — совсем стыд потерял, паршивец.

Фан Жунмо поддержала его:

— Цзинь Мо, твоя главная заслуга в том, что ты позволил нам встретить Ши Хэна и наших милых деток.

Всех малышей, от марионетки Фэн Синлю до зверька Сяо Сяо, они ласково называли сокровищами.

Фэн Синлю — Первое сокровище, Юй Шэнъе — Второе сокровище, Фэн Цзюэсянь — Третье сокровище, Вань Фэнсяо — Большое сокровище, Юй Шэншэн — Младшенький, Сяо Сяо — Малыш.

Этот список прозвищ старики составили еще по дороге.

Сяо Юньцзянь, глядя на эту сцену воссоединения, внезапно ощутил просветление и начал строить коварные планы. Раз уж представился такой удачный случай, не пожаловаться ли на кое-кого?

И тогда —

Сяо Юньцзянь, делая жалобное лицо и как бы невзначай, нежно поведал старикам о том, что Фэн Маньлуо пять лет не возвращался домой, пропадая где-то в погоне за карьерой.

<http://bllate.org/book/22367/2345530>